

Клинок свой обагрив, убийца побледнел
Немного, а потом совсем он стал, как мел,
Из пересохших уст зубовный слышен скрежет,
190 Страх вздыбил волосы, в глазах безумных брезжит,
Где горькую печаль зажег свершенный грех.
Преступник всех страшит и сам страшится всех.
Надели небеса из черных туч запону,
Остекленелый взгляд блуждал по небосклону,
195 Убийца убежал в пустыни и леса,
Но гнались грозные повсюду голоса.
Никто не мог убить скитальца из боязни,
И ад, еще пустой, не знал орудий казни,
Смерть не брала, увы, живого мертвеца,
200 Но каждый час и миг он ожидал конца,
От ужаса бледнел, бежал куда-то в неги
От самого себя, от всех и вся на свете,
Казались западней укромные места,
Кинжалами — шипы тернового куста,
205 Кололи тюфяки, едва спины касались,
Одежды легкие оковами казались,
Отравой — горькой хлеб, цикутою — вода,
И собственная длань страшила иногда.
Вот смерти худший лик, когда теряют разум,
210 Желая смерть вкусить, лишь призрак видят глазом.
Убийцу Каин ждал, бродя в глухих местах,
Но рядом ни души, лишь за спиною страх,
Весь мир был в руки дан, но мир казался адом,
Был Каин одинок, но шла с ним совесть рядом,
215 Чело изгнанника отметил знаком Бог,
Чтоб жизнь его и казнь прервать никто не мог.